

Генезис преступности в развитом капиталистическом обществе

Аннотация: В этой статье мы изучаем, может быть, самое главное, связанное с преступностью, потому что правовая наука, в том числе криминология, сегодня внутреннею определенность преступности до сих пор не изучала.

Ключевые слова: преступление; преступность; право; положительное право; законодательство; явление; закон явления; предмет; условие; субстрат; субстанция; субстанциональность; прибавочная стоимость; капитал; частная собственность; действительность; условие; предмет; деятельность; случайность; возможность; необходимость.

Введение. Гегель в своей «Энциклопедии философских наук» говорит более ясно, по мнению некоторых авторов, от трех моментов процесса необходимости – *условия, предмета и действительности*, как очень сложной тематике, чем в «Науке Логики». В т.н. «Большой Логике» он рассматривает на довольно сложном научном языке следующие «виды» логической категории – модус – как собственное движение категории абсолютного, т.е. капитала, как процесса определения его. Гегель останавливается, прежде всего, на случайности или формальной действительности, формальной возможности и формальной необходимости, затем он рассматривает относительную необходимость или реальную действительность, реальную возможность и реальную необходимость и заканчивает характеристикой абсолютной необходимости и абсолютной деятельности. Мы в своем исследовании используем в «Науке Логики» и «Энциклопедии философских наук»

♦ Лепс Андо – доктор юридических наук, профессор, член Римского Клуба Эстонии (Эстония).
E-mail: andoleps@hotmail.ee

представленные размышления Гегеля по поводу логической категории – *необходимость*.

Явление. «Существование, - пишет Гегель, - это непосредственность бытия (преступность, как совокупность разных преступлений. – А.Л.), где сущность (т.е. прибавочная стоимость. – А.Л.) восстановила себя. Эта непосредственность есть *в себе* рефлексия сущности в себя. Сущность как существование выступила из своего основания (т.е. общественного капиталистического производственного отношения материальных и умственных благ. – А.Л.), которое само перешло в существование. Существование есть *рефлектированная* непосредственность, поскольку оно в самом себе есть абсолютная отрицательность (т.е. преступность, как совокупность разных преступлений, есть абсолютная отрицательность. – А.Л.). Оно теперь также *положено* как абсолютная отрицательность, определив себя как *явление*, которое есть поэтому, прежде всего, сущность в ее существовании, сущность наличествует в нем непосредственно. Что явление есть не непосредственное, а *рефлектированное* существование, это обстоятельство составляет момент сущности в нем, иными словами, существование как *существенное* существование есть явление» [1, с. 453].

Преступность, как совокупность разных преступлений – это существующее, опосредствованное своим *отрицанием*, т.е. законодательными актами, особенно уголовным законодательством, которые составляют его *устойчивое наличие*. Хотя это его отрицание есть нечто *другое* самостоятельное, однако последнее столь же существенно снять. В социологической и юридической литературе не употребляют понятие «преступление, которое предусмотрено в уголовном кодексе,» и «преступность, как совокупность разных преступлений», а пишут просто преступление или преступность. Мы из своих предыдущих исследований знаем, что содержанием преступления, как и преступности является *прибавочная стоимость*[12].

Итак, преступность, как прибавочная стоимость, состоит из прибавочной стоимости отдельных преступлений. Без прибавочной стоимости отдельных преступлений нет и прибавочной стоимости преступности. Следовательно, нечто есть *только* явление, т.е. преступность, как совокупность различных преступлений, в том смысле, что существование, как таковое, – это лишь нечто положенное [2, с. 231-232], *а не есть в себе и для себя сущее*.

«Целое (т.е. преступность. – А.Л.) и части (т.е. разные преступления. – А.Л.) – это лишенное мысли отношение, – пишет Гегель, – или, взятое объективно, это отношение есть мертвый, механический агрегат, который хотя и имеет определения формы (т.е. преступность. – А.Л.), благодаря чему многообразие его самостоятельной материи (т.е. разные преступления, основой которых являются законодательные акты. – А.Л.) соотносится (с собой) в единстве, однако это единство остается внешним для многообразия (т.е. преступность, как совокупность разных преступлений есть только внешний вид преступности. – А.Л.). – Отношение же силы (т.е. прибавочной стоимости. – А.Л.) – это высший возврат к себе, в котором единство целого, составлявшее соотношение (с собой) самостоятельного инобытия, перестает быть чем-то внешним для этого многообразия и безразличным к нему» [1, с. 472].

Между тем, преступность как явление, оказывается таким очень сложным явлением, которое, в первом случае не достается существенное множество, где преступность, как совокупность разных преступлений, есть «или - или», а во втором случае, существенное единство, как совокупность разных преступлений, как преступность, хотя и то и другое входят в понятие преступности. Именно в этом состоит противоречие в понятии преступности, одно из тех затруднений мышления или субъективности [11, с. 387-388]. Следовательно, не форма, как разные преступления и содержание, как преступность, не вполне «проникают» друг в друга, и поэтому можно это назвать *бесконечным познанием*, которая и является одной сложностью правовых исследований, в том числе и криминологических исследований. Например, когда под содержанием, т.е. преступности понимать лишь то, что

можно «ощупать руками» (выражение Гегеля), тогда и диалектическая логика не имеет никакого содержания и никакого научного смысла вообще.

Прибавочная стоимость, как *отрицательное единство*, как *сила*, является условием преступности, как совокупности разных преступлений. Сила *деятельна*, и она *сама из себя* становится существующим внешним многообразием. Прибавочная стоимость, как сила, таким образом, - это отношение, в котором каждая сторона есть то же, что и другая сторона. Одна сила вначале определена как *побуждающая*, а другая – как *побуждаемая*. Потому что прибавочная стоимость является негативным явлением, где одна сторона является побуждаемым явлением, которая является причиной разных преступлений, и другая сторона прибавочной стоимости, является – побуждаемой, это значить то, что прибавочная стоимость «соединяет» разные преступления в единое единство как *целое*, т.е. *преступность*.

Движение сущности, т.е. прибавочной стоимости, есть вообще становление понятия, как «лестница, как развитие знания» [11, с. 223-224], как мы в дальнейшем видим, – *капитала*, как *совокупности разных источников капитала*, которая является *сутью дела*. Сущность, это еще только *внутреннее*, поэтому ее и принимают за совершенно *внешнюю*.

Закон преступности как явления. Гегель разработал категорию – *закон явления* – очень основательно, которая современным исследователям юриспруденции, в том числе и криминологам, к сожалению, до сих пор хорошо не понятно. По нашему мнению, *закон явления*, правильнее было сказать, «определенная цепь законов». Такую точку зрения придерживает и сам Гегель. Этот один из самых трудных категорий диалектической логики Гегеля, рядом с категорией субстрат, который является общей материальной основой категории бытия (качество, количество, мера), «началом» категории сущность и формой абсолютного основания (форма и сущность; форма и материя; форма и содержание), необходимости и субстанциональности.¹ К сожалению

¹ В философско-логической литературе, очень сложное понятие «субстанциональность», не имеет однозначного значения (А. Л.).

можно сказать, что даже видные философы, хорошо не поняли глубочайший смысл великого немецкого ученого.

Итак, явление как преступность, как совокупность разных преступлений, есть абсолютная отрицательность, - *насилие*. Но если преступность, это только явление в том смысле, будто в противоположность ему есть непосредственное существование, как *условие*, т.е. законодательство (положительное право), особенно уголовное законодательство, есть ее истина, тогда и *законодательство* есть и *первый закон преступности*. Это философско-логическое понятие есть уровень случайности или формальной действительности, куда входит частная собственность, правовая политика, право и положительное право (законодательство).

Разумеется, мыслить можно так, как будто уголовное законодательство есть к преступности положительное (но по существу оно есть нечто отрицательное) [1, с. 458] и истинное, потому что, без уголовного законодательства нет преступности, как совокупности разных преступлений, и наоборот, без преступности нет надобности уголовного законодательства, как пропагандируют некоторые представители постмодернизма, хотя эти деяния и бездействия, которые «раньше» называли преступлениями, совершается в обществе и в дальнейшем, хотя «теперь» их только не называют преступлениями.

Однако законодательные акты, особенно уголовное законодательство, как непосредственное, не содержит еще в самом себе *существенной истины*, чем является *существенное отношение* при развитии капитализме, т.е. общественное производственное отношение материальных и духовных благ, между *капиталистами*, которые являются владельцами частной собственности и поэтому имеют *право*, которая защищается законодательными актами, получить *прибавочную стоимость* без труда вполне или отчасти и *наемными работниками*, которые не имеют *право* получить *прибавочную стоимость* без труда вполне или отчасти, потому что, они не являются владельцами частной собственности. Это отношение является *существенной истиной* и

определенном основании преступности, которое остается равным себе в смене разных преступлений.

Следовательно, эти два члена производственного отношения – капиталисты и наемные работники и есть якобы основные «виновники» преступности, как совокупности разных видах преступлений. Совершенно ясно, что в капиталистическом производственном отношении является *постоянным*, - *производство прибавочной стоимости*. Так как незаконные деяния капиталистов и наемных работников, взятых отдельно, чувственно довольно хорошо воспринимаемые вещи, откуда видно, что капиталисты совершают преимущественно экономические преступления, а наемные работники бытовые преступления. Однако закон этого соотношения познается из *опыта*. В этом смысле он лишь *непосредствен*, для познания того, что закон не только *имеет место*, но и *необходим*, закон требует еще *доказательства*, опосредствования. *Доказывание* есть вообще опосредствованное *познание*. В законе, как таковом, это доказательство и его объективная необходимость еще не содержится.

Но сам в себе и для себя сущий мир есть мир, который различенный внутри себя между членами общественного производственного производства материальных и умственных благ, в развитом капиталистическом обществе между капиталистами и наемными работниками, которые производят *прибавочную стоимость*, без которого общество не может вообще функционировать, и который в свою очередь причиняет *преступность*, как совокупность разных преступлений. Который является законодательными актами, особенно уголовными законами запрещенную *прибавочную стоимость*, который *причиняет вред обществу*.

Итак, второй закон преступности есть, *отношение законодательными актами, особенно уголовными законами, запрещенная, без труда вполне или отчасти полученная прибавочная стоимость*. Это социально-экономическое понятие, есть уровень прибавочной стоимости или в философско-логическом смысле – реальная возможность и реальная необходимость.

Преступность, как совокупность разных преступлений, как насилие, можно теперь определить следующим образом. *Преступность, как существенное существование, как насилие, как совокупность разных преступлений, - есть законодательными актами, особенно уголовными законами, запрещенная, без труда вполне или отчасти полученная прибавочная стоимость.*

Разумеется, когда разница доходов между капиталистами и наемными работниками является несущественным, тогда уровень преступности, в общих чертах является даже более незначительным и наоборот.

Однако это соотношение есть еще только непосредственное соотношение. Поэтому оно точно так же еще только *положенное* соотношение. Существенным единством обеих сторон закона был бы их *отрицательность*, а именно *то обстоятельство, что одна сторона содержит в самой себе свою другую сторону. Но это существенное единство еще не выступило в законе.*

В себе и для себя сущий мир, как *капитал*, есть тотальность существования, вне его нет ничего иного. Но так как он в самом себе есть абсолютная отрицательность или форма, то его рефлексия в себя есть *отрицательное соотношение с собой*. Он содержит противоположность и отталкивает себя внутрь себя как существенный мир и внутрь себя же, как мир инобытия или мир явления. Таким образом, потому, что он тотальность, он дан также лишь как *одна сторона* тотальности и в этом определении составляет отличающуюся от мира явлений самостоятельность.

Однако, являющийся мир, как преступность, как совокупность разных преступлений имеет в существенном мире, свое отрицательное единство, т.е. законодательными актами разрешенное право капиталистам получить прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти, как *капитал*, в которой он исчезает и в которое он возвращается как в свое *определенное* основание. Поэтому из нашего исследования вытекает, что законодательными актами разрешенная без труда вполне или отчасти полученная прибавочная стоимость, как *капитал*, есть то, что *вызывает*, а другая, т.е. разные виды преступлений, как преступность, есть в свою очередь то, что *вызывается* первой.

Следовательно, в себе и для себя сущий мир образует *тотальность* многообразного содержания, который в свою очередь и поэтому он тождествен с являющимся, или положенным, миром, поскольку он его *определенное основание*. Но тождественная связь обоих миров определена в то же время как *противоположение*, потому что форма являющегося мира есть рефлексия в его инобытие, и он, следовательно, во в себе и для себя сущем мире поистине в такой же мере возвратился в сам себя, в какой этот мир ему противоположен.

«Соотношение поэтому, - пишет Гегель, - так определено, что в себе и для себя сущий мир (т.е. капитал, как совокупность разных источников капитала. – А.Л.) есть являющийся мир (т.е. преступность, как совокупность разных преступлений. – А.Л.) *наизнанку* (die verkehrte Welt)» [1, с. 463], который и есть третий закон преступности. Это понятие есть нравственно-культурный уровень или в философско-логическом смысле – абсолютная необходимость или абсолютная деятельность.

Уточнения вышеприведенного, скажем, что прибавочная стоимость, как сконцентрированная частная собственность, как *капитал*, как совокупность разных источников капитала, как без труда вполне или отчасти полученная прибавочная стоимость, куда входит и *преступным путем* полученная прибавочная стоимость, как *политико-правовой, социально-экономический* и вообще *нравственно-культурный* «мотор» гражданского общества, как основание развитого капиталистического общества, без чего общество вообще не может существовать. В то же время она, и есть как *причина преступности*, т.е. законодательными актами запрещенная и наказуемая, без труда вполне или отчасти полученная прибавочная стоимость, который есть реальная необходимость насилия, т.е. преступности. Итак. Когда внутренность реальной действительности есть, капитал, как совокупность разных источников капитала, который производит внешность, тогда внешность реальной действительности есть, преступность, как совокупность разных преступлений. *Она такова, потому, что то и другое есть одно и то же, т.е. преступность есть капитал*

и капитал есть преступность, которые обе являются представителями области нравственно- культурный.

Исходным пунктом нашей статьи был закон явления, который есть тождество разного содержания с другим содержанием, так что положенность одного, есть положенность другого. Теперь же закон реализован. Его внутреннее тождество есть в то же время налицо сущее тождество, и, наоборот, содержание закона возведено в идеальность [1, с. 130-131], ибо оно в самом себе снятое, рефлексированное в себя содержание, так как каждая сторона содержит в самой себе свою другую сторону и тем самым поистине тождественна и с ней, и с собой.

Однако, отсюда исследует, что во время общественного производственного отношения материальных и умственных благ развитого капитализма, не может вообще идти речь об уменьшении преступности, потому что, особый интерес капиталистов очевидно, которого мы видим каждый день, чтобы получить больше и больше прибавочной стоимости без труда вполне или отчасти, и поэтому, преступность увеличивается, которую утверждает мировая практика, как критерия справедливости. Гегель называет эту ситуацию – простой «бессодержательной точкой» [1, с. 479]. Единство внутреннего и внешнего есть абсолютная действительность, который есть капитал [1, с. 482].

Абсолютная действительность. «Простое изначальное тождество абсолютного (по нашему мнению это, - частная собственность, как прибавочная стоимость, как капитал, как совокупность разных источников капитала, как абсолютное тождество, без которого общество как человечество, не может вообще функционировать. – А.Л.) неопределенно, - утверждает Гегель, - или, вернее, в этом тождестве растворилась всякая определенность сущности и существования или бытия вообще, равно как и рефлексии. Поэтому процесс определения того, что такое абсолютное, получается отрицательным, и само абсолютное являет себя лишь как отрицание всех предикатов и как пустота» [1, с. 483].

Однако, когда мы исследуем общество, которое состоит из ведущих социальных групп или как классовое общество, как сказали бы марксисты, особенно развитый капитализм, тогда *абсолютным атрибутом* является не собственность вообще, а *частная собственность* своих разных форм, как результат производства, обмена и употребление товаров, знаний и умений членов общества и т.д., как *капитал*. Капитал, - пишет Л.И. Спиридонов, - частная или государственная собственность, например, - это не вещи, не средства производства и не предметы потребления, а отношения между людьми по применению их труда, по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ, т.е. сугубо общественные связи между ними [10, с. 25]. Надо только сказать, что развитом капиталистическом обществе, *частный капитал* имеет преимущество перед *государственным капиталом*. Однако в последнее время, государственное регулирование экономики увеличилась во всех странах от США до Китая. Средства производства, т.е. основные фонды экономики России – принадлежат в основном государству.

Поскольку именно формальная несистематическая диалектика, куда обычно входит и разные правовые труды, в том числе и труды по криминологии, без особого труда хватает оттуда и отсюда разнообразное определение и с такой же легкостью, с одной стороны, показывает их конечность, а с другой стороны их абсолютность и тотальность. Так поступает и традиционная правовая наука и криминология, которая «хватает оттуда и отсюда» разнообразные определения, которые не имеют никакой связи предыдущих понятий или развитием знаний. Между тем нужно показать, что такое абсолютное, однако это показывание не может быть ни процессом определения, ни внешней рефлексией, посредством которой получилось бы определения этого абсолютного, а оно есть *развертывание* и притом *собственное* развертывание абсолютного, т.е. капитала, как совокупности разных источников капитала и лишь указание того, что есть абсолютное [1, с. 483].

а) Развертывание абсолютного. «Абсолютное (т.е. капитал, как совокупность разных источников капитала. – А.Л.) не есть ни одно лишь *бытие*, ни также одна лишь *сущность*, - пишет Гегель. Бытие – это первая нерелфлексированная непосредственность, а сущность – рефлектированная непосредственность, каждое из них есть, далее, тотальность в самом себе, но определенная тотальность. В самой сущности бытие выступает как *существование*, и соотношение сущности и бытия развилось до отношения *внутреннего* и *внешнего*. *Внутреннее* – это *сущность*, но как тотальность, которая имеет по существу своему определение – быть *соотнесенной с бытием* и быть непосредственно *бытием*. *Внешнее* – это *бытие*, но с существенным определением – будучи *соотнесенным с рефлексией*, быть непосредственно столь же лишенным отношения тождеством с сущностью. Само абсолютное (как капитал. – А.Л.) – это единство обоих, оно то, что вообще составляет *основание* существенного отношения, которое, будучи лишь отношением, еще не возвратилось в это свое тождество и основание которого еще не *положено*. Из этого явствует, что определение абсолютного – быть *абсолютной формой*, но в то же время не как тождество, моменты которого суть лишь простые определенности, а как тождество, каждый момент которого в самом себе есть тотальность и тем самым как безразличный к форме есть полное *содержание* целого. Но и наоборот, абсолютное – это абсолютное содержание (т.е. капитал, как частная собственность, как основа прибавочной стоимости, который кроме того, показывает нам, что его приобретение в соответствии с законодательными актами, составляет и нелегальным образом или преступным путем полученную прибавочную стоимость. – А.Л.) таким образом, что содержание, будучи, как таковое, безразличным многообразием, имеет в самом себе отрицательное отношение формы, вследствие чего его многообразие есть лишь *одно* изначальное тождество» [1, с. 483-484].

Однако, как мы знаем, без капитала, невозможно общественное производственное отношение материальных и умственных благ в развитом капитализме вообще. Иначе говоря, то абсолютное, которое дано лишь как

абсолютное тождество, есть лишь *абсолютное внешней рефлексии*. Оно поэтому не *абсолютно абсолютное*, а абсолютное в некоторой определенности, другими словами, оно *атрибут*.

«Но абсолютное есть атрибут не только потому, что оно *предмет* внешней рефлексии и, стало быть, нечто определенное ею. – Иначе говоря, рефлексия не только *внешняя* ему, но именно потому, что она ему *внешняя*, она *непосредственно внутренняя* ему. Абсолютное есть абсолютное лишь потому, что оно не абстрактное тождество бытия и сущности или тождество внутреннего и внешнего. Следовательно, сама абсолютная форма и заставляет его быть видимым *внутри* себя, и определяет его как атрибут» [1, с. 486], пишет Гегель.

б) Абсолютный атрибут. «Атрибут – это, *во-первых*, абсолютное в простом *тождестве* с собой. *Во-вторых*, он *отрицание*, и отрицание как отрицание есть формальная рефлексия-в-себя. Эти стороны составляют, прежде всего, оба *полюса* атрибута, *середина* которых есть он сам (т.е. капитал, как совокупность разных источников капитала. – А.Л.), так как он есть и абсолютное, и определенность. – Второй из этих полюсов есть *отрицательное как отрицательное, внешняя* абсолютному рефлексия» [1, с. 487], подчеркивает Гегель.

По нашему мнению Гегеля надо понимать здесь таким образом. Абсолютный атрибут – это, *во-первых*, - *капитал* в простом тождестве с собой, т.е. без труда вполне или отчасти полученная прибавочная стоимость. *Во-вторых*, абсолютный атрибут, как капитал есть, как отрицание, т.е. законодательными актами, в т.ч. уголовными законами разрешенная, без труда вполне или отчасти, полученная прибавочная стоимость, и, законодательными актами запрещенная, без труда вполне или отчасти, полученная прибавочная стоимость. *В-третьих*, эти две стороны составляют оба полюса атрибута, *середина* которых есть он сам - *капитал*. *В-четвертых*. Второй из этих полюсов есть отрицательное как отрицательное, т.е. законодательством, в т.ч. уголовном законодательством, без труда вполне или отчасти *запрещенная*, под угрозой

наказания полученная прибавочная стоимость как преступность, как совокупность разных видов преступлений, как внешняя абсолютная рефлексия. Следовательно, в *капитал*, как *совокупность разных источников капитала*, входит и прибавочная стоимость, полученная преступным путем.

Идея Гегеля, по нашему мнению показывает, что понятие *атрибут*, т. н. «простой атрибут», ранее являвшая себя как одна из сторон общественного производственного отношения развитого капитализма, каждая из сторон сама есть целое. Например, право как атрибут прибавочной стоимости, законодательные акты как положительное право, как атрибуты права, преступность как атрибут законодательных актов, правоохранительные органы как атрибуты правонарушений. Когда мы раньше исследовали только разные части абсолютного атрибута, хотя, может быть основные части абсолютного атрибута, где прибавочная стоимость есть, как законодательными актами разрешенная без труда вполне или отчасти полученная прибавочная стоимость. Тогда в *абсолютном атрибуте* мы показываем, что представляет абсолютный атрибут в действительности, куда обязательно входят и законодательными актами запрещенная без труда вполне или отчасти полученная *прибавочная стоимость*.

в) Модус абсолютного, как капитала. Гегель заявляет, что модус как внешность абсолютного, есть простой способ представления *предмета*, как капитала [1, с. 487].

Капитал, как самораздающая величина, как бесконечное развитие, т.е. без труда вполне или отчасти полученная прибавочная стоимость, сообразно говоря «*надземный бог*», как *свобода*, как прибавка существующей частной собственности в классовых обществах или в обществах, где есть ведущие социальные группы, в том числе особенно в развитом капитализме. Поэтому в конституциях разных капиталистических стран мира, в первую очередь, защищается как раз право на частную собственность, т.е. в первую очередь - *капитал*.

«Поэтому истинное значение модуса в том, что он есть рефлектирующее собственное движение абсолютного, *процесс определения*, но не такой, благодаря которому абсолютное становилось бы чем-то *иным*, а процесс определения только того, что оно уже *есть*. Прозрачное внешнее, которое есть *показывание* его самого, некоторое движение из себя *вовне*, но так, что это *вовне-направленное-бытие* есть в такой же мере и само внутреннее и тем самым также полагание, которое есть не только положенность, но и абсолютное бытие», говорит Гегель [1, с. 488].

Единство внутреннего и внешнего образует *действительность*. То, что относится к внутреннему действительности, есть *возможность*, к внешнему – *случайность*. Кроме того, Гегель различает формальную и реальную возможность.

Действительность как необходимость. Задача социальных наук состоит вообще в том, чтобы познать *необходимость*, которым является т.н. «*красная ниточка*», скрытую под видимостью *случайностей*. Однако это, не следует понимать так, будто случайное принадлежит лишь области нашего субъективного представления. Это как раз и есть единство теорий и эмпирий (практики) [5, с. 245].

«Необходимость, - говорит Гегель, - пожалуй, правильно определяли как единство возможности и действительности. Но, выраженное лишь таким образом, это определение поверхностно и вследствие этого непонятно. Понятие необходимости – *очень трудно*, оно трудно именно потому, что она есть само понятие, моменты которого суть действительности, которые, вместе с тем, следует понимать лишь как *формы, насильственно внутри себя разделенные и переходящие*» [5, с. 247]. Мы поэтому в дальнейшем исследуем более подробное изложение моментов, составляющих необходимость. Гегель останавливается, прежде всего, на случайности или *формальной действительности*, затем он развивает свои воззрения на относительную необходимость или *реальную действительность* и заканчивает характеристикой *абсолютной необходимости* [1, с. 494-506].

Возможность кажется на первый взгляд представлению более «богатым» определением, а *действительность*, напротив, более «бедным». Говорят потому, что все возможно, но не все, что возможно, также действительно. Однако, действительность есть более широкое определение, потому, что она содержит в себе возможность как некий абстрактный момент.

По нашему мнению *условия*, как законодательные акты, есть лишь соотносительно к предмету, как частной собственности, как прибавочной стоимости, как *капиталу*, но как предполагаемое оно само по себе есть случайное, внешнее обстоятельство. Но, будучи случайным, по отношению к предмету как капиталу, который есть *целостность*, условия *пассивны* и употребляются как материал для предмета и, следовательно, они в то же время входят в *содержание* предмета. Тогда законодательные акты, как первая действительность, «жертвуют собою и погибают», сливаются в другой действительности, т.е. преступности, как совокупности разных преступлений.

Довольно часто отмечают, что необходимость *слепа* [2, с. 200]. И это правильно, что можно очень хорошо видеть в бывших социально-демократических странах восточной Европы и Балтийских странах, которые сегодня входят в ЕС и Украины, которые не могут почти ничего производить и поэтому являются в основном странами только дешевой рабочей силой. Ведущие политики этих стран не поняли, что «свобода - есть осознанная необходимость»,² где речи не может идти об (ультра) либеральной экономике, потому что эти государства могут запросто «вымирать»...

«Действительность и мысль, - пишет Гегель, - или, точнее, идея, обыкновенно тривиально противопоставляются друг другу. Следовательно, с одной стороны, мысль (идея) представляется синонимом субъективного предстваления, субъективного плана или намерения и т.п., с другой же стороны, действительность представляется синонимом чувственного внешнего существования. Согласно сказанному, различие между Платоном и

² Говорят, что это первым сказал Б. Спиноза. За ним говорили Гегель, Ф. Энгельс и К. Маркс. Некоторые даже присваивают эти слова Аристотелю (А.Л.).

Аристотелем состоит в том, что Платон признает истинным только идею, а Аристотель, напротив, отмечая идею, держится действительности. Следовательно, действительность, как данное конкретное, содержит в себе вышеуказанные определения и их различия. Как тождество, действительность есть, прежде всего, возможность, есть рефлексия внутри себя, и поэтому она есть то, что существенно для действительности. Вероятно, определение возможности, привело И. Канта к тому, чтобы рассматривать ее и вместе с нею действительность и необходимость как *модальности*, «потому, что эти определения *абсолютно ничего не прибавляют к понятию*, а лишь выражают отношение к способности понятия» [5, с. 238-240].

а) Случайность или формальная действительность, формальная возможность и формальная необходимость. Действительность формальна, поскольку она как первая действительность есть лишь *непосредственная, нерелфлексированная* действительность, стало быть, поскольку ей присуще лишь это определение формы, но не как тотальность формы. Таким образом, она не более как *бытие* или *существование* вообще, т.е., по нашему мнению – законодательные акты, особенно уголовные законы. Но так как она *по существу своему* не просто непосредственное существование, а дана как формальное единство в-себе-бытия или внутренности и внешности, то она содержит непосредственно *в-себе-бытие*, или *возможность*, т.е. *преступность*, как *совокупность разных преступлений*. *Что действительно, то возможно*, пишет Гегель [1, с. 494-495].

Эта возможность, т.е. *преступность*, как *совокупность разных преступлений*, есть рефлексированная в себя, т.е. из законодательных актах действительность. Однако, эта действительность не первая, а рефлексированная действительность, *положенная как единство* самой себя и возможности.

«Тем самым выражено также более точно определение того, - пишет Гегель, - в какой мере *возможность есть действительность*. А именно, *возможность еще не всякая действительность* – о реальной и абсолютной действительности еще не было речи, - возможность это лишь действительность,

которая имела сначала, а именно формальная действительность, определившаяся как *одна лишь* возможность. Речь идет, стало быть, о формальной действительности, которая есть лишь *бытие* или *существование* вообще. Все возможное имеет поэтому вообще некоторое *бытие* или некоторое *существование*. Это единство возможности и действительности есть *случайность*. Случайность – это нечто действительное, определенное в то же время лишь как возможное, иное которого или противоположность которого также *есть*. Вот почему эта действительность есть просто бытие или существование, но положенное в своей истине – иметь значение положенности или возможности. Наоборот, возможность как рефлексия-в-себя или в-себе-бытие положена как положенность; то, что возможно, есть нечто действительное в этом значении действительности, оно имеет лишь такое значение, как и случайная действительность, оно само нечто случайное. Случайное, где необходимость ещё непознаваемый, представляет нам поэтому две стороны; *во-первых*, поскольку в нем *непосредственно* имеется возможность или, что то же самое, поскольку возможность в нем снята, оно *не положенность* и не опосредствовано, а есть *непосредственная* действительность; оно *не* имеет *основания*. – Так как эта непосредственная действительность присуща также возможному, то оно определено столь же, как действительное, сколь и как случайное и равным образом *не имеет основания*» [1, с. 496-497].

Другими словами это значить, что законодательные акты, как условие, *не имеет основания*. Хотя законодательные акты сами есть условие, которое есть нечто предполагаемое лишь соответственно предмету, т.е. капиталу, который есть целостность. Законодательство, как условие есть пассивное, которое употребляется как материал для предмета, т.е. капитала, и, следовательно, входит в содержание предмета, который есть только нечто внутреннее и возможное – некое самостоятельное для себя содержание.

«Случайное, *во-вторых*, - говорит Гегель, - это действительное как нечто *лишь* возможное или как *положенность*, точно так же и возможное как

формальное в-себе-бытие есть лишь положенность. Тем самым и то и другое не есть в себе и для себя самого, а имеет свою истинную рефлексию-в-себя в чем-то ином, другими словами, *оно имеет основание*. Этим основанием является *капитал*, как предмет нашего исследования, как целостность. Итак, «случайное не имеет основания потому, что оно случайно; и точно так же оно имеет основание, потому что оно случайно» [1, с. 496-497].

Поэтому в формальной необходимости еще нет никакого содержания и никакой определенности. *Определенность* необходимости состоит в том, что в ней имеется ее отрицание как случайность, так говорит Гегель.

б) Относительная необходимость или реальная действительность, реальная возможность и реальная необходимость. Реальная необходимость – это *определенная* необходимость, в формальной необходимости еще нет никакого содержания и никакой определенности т.е. законодательные акты есть законодательные акты, как случайность. *Определенность* необходимости состоит в том, что в ней имеется ее отрицание, случайность. Такой она оказалась, говорит Гегель.

Таким образом, реальная необходимость содержит *случайность* не только в себе, случайность также *становится* в ней, но это *становление* есть то, который есть внешне, т.е. *преступность*, как совокупность разных преступлений, само есть лишь *в-себе-бытие* этой необходимости, так как оно лишь *непосредственно определено*.

Мы можем теперь сказать, что на уровне реальной необходимости, прибавочная стоимость, как частная собственность, как *капитал*, как совокупность разных источников капитала, как без труда вполне или отчасти полученная прибавочная стоимость, куда входит и *преступным путем* полученная прибавочная стоимость, является определенном *основанием* развитого капиталистического общества. В то же время капитал есть и *причина преступности*, т.е. законодательными актами запрещенная и наказуемая, без труда вполне или отчасти полученная прибавочная стоимость, который есть реальная необходимость насилия, т.е. преступности, как совокупности разных

преступлений. Следовательно, когда внутренность реальной действительности есть, - *капитал*, как совокупность разных источников капитала, который производит внешность, тогда внешность реальной действительности есть, - преступность, как совокупность разных преступлений. *Реальная необходимость такова, потому, что то и другое есть одно и то же, т.е. преступность есть как капитал и капитал есть как преступность.*

«Стало быть, - пишет Гегель, - *реальная необходимость в себе* есть на самом деле также *случайность*, который имеет свою истинную рефлексию в себя чем-то иным, т.е. в *абсолютной деятельности*. Это являет себя, прежде всего, таким образом, что хотя реально необходимое и есть *по форме* нечто необходимое, но по содержанию оно нечто *ограниченное*, и содержание это придает ему характер случайного. Следовательно, *в себе* здесь имеется единство необходимости и случайности, это единство следует назвать *абсолютной необходимостью* или *абсолютной действительностью*» [1, с. 502].

в) Абсолютная необходимость. «Абсолютная необходимость – это *истина*, в которую возвращаются действительность и возможность вообще, равно как и формальная и реальная необходимость. – Абсолютная необходимость, как оказалось, - это бытие, которое в своем отрицании, в сущности, соотносится с собой и есть бытие» [1, с. 504], говорит Гегель, т.е. законодательными актами наказуемая, без труда вполне или отчасти полученная прибавочная стоимость, как преступность, как простая рефлексия-в-себя или *чистая сущность*, как капитал. Она такова, потому, что то и другое есть одно и то же, т.е. преступность как капитал и капитал как преступность.

Однако то, что необходимо, т.е. *капитал*, существует через некое *другое*, на некую непосредственную действительность, на *случайное*, через законодательные акты, которое вместе с тем есть *условие*. Но эта *случайность* есть скорее *абсолютная необходимость*, она *сущность* тех свободных, необходимых в себе действительностей, т.е. «степеней свободы». Эта сущность *боится света*, так как в указанных действительностях нет свечения, нет рефлексии, так как они имеют свое основание исключительно лишь внутри

себя, сформированы сами по себе, обнаруживают себя лишь *самим себе*, - так как они лишь *бытие*. Но их сущность пробьется в них и выявит, что такое *она* и что такое *они*. *Простота* их бытия, их самодавление есть абсолютная отрицательность; она *свобода* их непосредственности, лишенной всякого свечения [1, с. 505].

Известно, что *деятельность*, которая есть *абсолютная необходимость*, существует самостоятельно, и вместе с тем она возможна лишь там, где имеются *условия* и *предмет*, т.е. *законодательство* и *капитал*. *Деятельность* есть движение, переводящее условия в предмет, и предмет в условия, как в сферу существования [5, с. 251].

Поскольку эти три момента, т.е. *условие (законодательство)*, *предмет (капитал)* и *деятельность* (руководящие политики государств, члены парламентов и т.д.) обладают в отношении друг друга формой самостоятельного существования, т.е. *законодательные акты*, как условия, как представителя формальной необходимости, *капитала*, как предмета, как представителя реальной необходимости и *деятельности*, как представителя абсолютной необходимости, этот *процесс* выступает в образе внешней необходимости, которая была отмечена уже в категории - *модус*.

Как известно, в законодательных актах в разных капиталистических государствах, в первую очередь защищается право на частную собственность. Поэтому по нашему мнению, самым главным смыслом в категории абсолютной действительности, является тот несомненный факт, что политики разных государств, члены парламентов и правительств, самым тесным образом связаны составлением законодательных актов и их исполнением. Они особо заинтересованы тем, что законодательные акты и их проведение в жизнь, например, правильность зарегистрированных преступлений в системе юстиции, правильность судебных решений и т.д., придерживали их интересы. Тогда нам становится понятным довольно сложная проблема: *во-первых*, почему случайность, как законодательство, есть абсолютная необходимость: *во-вторых*, почему случайность есть абсолютная деятельность, *в-третьих*,

почему руководящие работники своей деятельностью защищают капиталистический способ производства материальных и умственных благ? А потому, что они тоже хотят быть участниками получения прибавочной стоимости без труда вполне или отчасти, и поэтому, они довольно часто фальшифицируют статистические данные социально-экономических явлений и даже «преобразуют» качество, количество и динамику преступности.

Абсолютное отношение как обмен. «Абсолютная необходимость – это не *необходимое* вообще и тем более не *нечто* необходимое, а *необходимость* – бытие всецело как рефлексия» [1, с. 506], подчеркивает Гегель. Абсолютная необходимость есть отношение. Подобно тому, как *свет* в природе – это не нечто и не вещь, а его бытие есть лишь его свечение, так и обнаружение себя есть самой себе равная абсолютная действительность. Следовательно, *капитал* не вещь, а его свечение, как его отношение между людьми по применению их труда в развитом капиталистическом производстве, распределения, обмена и потребления материальных и умственных благ, т.е. сугубо общественные (социальные) связи между ними.

Капитал, как сущность, как субстанция, существует абсолютно безусловно. Она существует только через себя, следовательно, в единственном числе. Все остальные вещи не необходимы, а случайны или имеют характер акциденций. Поэтому форма капитала как абсолютного, есть отношение *субстанциональности* и *акцидентальности*.

Капитал, как сущность, есть нечто постоянное и пребывающее, а разные вещи находятся в непрестанном изменении, они возникают и исчезают. Только капитал, как субстанция есть *мощная* сущность, а разные вещи бессильны, несостоятельны, ничтожны. Поэтому нельзя сказать, что капитал, как сущность только творит. В действительности она лишь разрушает. Если бы не было разных вещей, т.е. акциденций которые созидают капитала, - не было и субстанции. Субстанция обнаруживается в уничтожении вещей, она живет, следовательно, своей противоположностью, она работает над своим собственным разрушением. Именно в этом состоит *противоречие*, присущее

понятию субстанции. Следовательно, капитал, как субстанция, есть существенная ступень в процессе *развития* логической категории *необходимость*, однако оно есть еще в *определенной ограниченной форме необходимости*.

Отношение субстанциональности. Абсолютная необходимость есть абсолютное отношение, как непосредственная действительность. *Субстанция как это единство бытия и рефлексии есть по своему существу свое свечение и положенность*. Поэтому мы можем с уверенностью сказать, что *субстанциональность* есть капитал, как сущность, как тотальность, как акцидентальность. Субстанциональность есть *середина*, т.е. единство субстанциональности и акцидентальности, и его *полюсы* не имеют своей собственной устойчивости [1, с. 508].

Движение акциденции есть *активность*, т.е. развитие субстанций, как *спокойное появление ее самой*. Субстанция *деятельна* не по отношению к нечему, а лишь по отношению *к себе* как к простой непротиводействующим стихии. По Гегелю, субстанция как это тождество свечения, есть тотальность целого и охватывает собой акцидентальность, а акцидентальность – это вся субстанция сама. Смена акциденций, это – абсолютное *единство формы* акцидентальности, а субстанция есть *абсолютная мощь*.

Акциденции, как таковые, - а их *много*, так как множественность есть одно из определений бытия, - *не имеют власти* друг над другом. Они сущие или для себя сущие нечто, существующие вещи с многообразными свойствами или целые, состоящие из частей, самостоятельные части, силы, нуждающиеся во взаимном побуждении и имеющие условием друг друга. Если, кажется, что одно такое акцидентальное выказывает власть над другим, то на самом деле определяя одно как преходящее, а другое – с другим содержанием и как возникающее, или первое – как преходящее в свою возможность, а второе – как преходящее при этом действительность. Субстанция вечно раздваивается на эти различия формы и содержания и вечно очищает себя от этой односторонности, но в самом этом очищении вновь определяет и развивается.

Одна акциденция вытесняет другую лишь потому, чтобы например, руководящие политики и капиталисты могли увеличивать стоимости капитала, и соответственно получить больше прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти, *не нарушая даже действующих законодательных актов*. Хотя, правители и капиталисты должны каким-то образом, в составлении законодательных актов, принимать во внимание и требования общественности, однако с этого обычно что-то мало зависит. Хотя эти переобразования разных акцидентов, например, в Эстонии в системе юстиции, в дальнейшем будут расследовать разные преступления только в соответствии с «потребностями общества». Такой подход как раз способствует субъективности работников юстиции и может негативно влиять чувства справедливости членов общества.

Однако это *непосредственное тождество* и наличие субстанции в акциденциях еще не приводят здесь к *реальному различию*. В этом первом определении субстанция еще не обнаружила себя во всех своих возможностях. Все же остается непонятным, каким образом *реально* государство отделяется от общества?

Нам известно, что формальная логика утверждает, что единство субстанциональности и акцидентальности, как сущность, не может себе противоречить. Ее единство состоит в абстрактном тождестве. Однако мы знаем и то, что единство сущности, в действительности, состоит именно в противоположных определениях, как например, сущность природы является противоположным, тогда мы узнаем ошибочность формальной логики [6, с. 97].

Известно, что тождество переходит в различие, различие свою очередь в противоположность, и последнее в противоречие, а в противоречии обнаруживается как раз *деятельность* противоположностей. Однако надо обязательно различать отрицательное и положительное противоречие. Например, отрицательным противоречием в нашем случае является капитал, как основание существования человечества, хотя туда входит и незаконным путем полученная прибавочная стоимость, без труда вполне или отчасти. Положительным противоречием в нашем случае является капитал, который

сам себя «чистить» незаконным путем полученную прибавочную стоимость, без труда вполне или отчасти.

Совершенно ясно, что в современном развитом капиталистическом обществе, главная цель политиков и капиталистов есть то, чтобы увеличивать стоимость капитала, и соответственно получить больше прибавочной стоимости, без труда вполне или отчасти. Но это очень часто делается с нарушениями действующих законов, и поэтому руководители должны наказывать этих капиталистов, а также наемных работников, которые своим поведением получают прибавочную стоимость, без труда вполне или отчасти. Однако, как показывает судебная практика, капиталистов наказывают в основном более выборочно, чем наемных работников, потому что, как известно, правители в капиталистическом обществе в первую очередь зависят от капиталистов. Хотя, здравый смысл руководящих работников развитого капиталистического строя должен торжествовать, и *деятельность* системы юстиции должен «бороться» с такими капиталистами, которые не уважают действующее законодательство.

Итак, по нашему мнению, отношение субстанциональности и акциденции, как капитал, как тотальность для себя сущей обладающей формальную мощь субстанция, как становление, *переходит в отношении причинности*, что свою очередь значить того, что таким образом гражданское общество начинает «перейти» к государству, как представителю регулирования «общих дел», чтобы обеспечивать исполнение ответственности и наказания тех членов общества, которые нарушают действующих законодательных актов.

Отношение причинности. а) Формальная причинность. Гегель пишет, что причина первоначально по отношению к действию. Субстанция, как капитал, как мощь, как абсолютная активность, - есть причина в ее истине. Сказанное Гегелем надо понимать таким образом, что капитала, как сущности, как причину, надо защищать законодательными актами, которые являются акциденциями, и которое в первую очередь является *действием* капиталистов, которые через политиков и членов парламентов, будут защищать свои

интересы, т.е. получить больше без труда вполне или отчасти прибавочной стоимости.

Такое отношение причинности есть *необходимость*, без которого капитал, как сущность, не может существовать, - это, прежде всего, лишь указанное *отношение причины* (защита капитала, как сущности, при помощи законодательных актов) *и действия* (в законодательных актах предусмотренных ответственности, в том числе наказаний и их реализации в системе юстиции). В этом случае оно *формальное отношение причинности*.

Когда капитал, как мощь является в развитом капиталистическом обществе насилием, тогда для того, чтобы члены общества не уничтожали друг друга ради получения прибавочной стоимости без труда вполне или отчасти, должны уважать силу законодательных актов, чтобы каким-то образом уменьшить капиталистическим мировоззрением предусмотренное *насилие*. Тогда государство необходимо поэтому, чтобы сохранить в гражданском обществе законодательными актами установленный *правопорядок*. Это и есть основная цель в регулировании «общих дел» государства.

«Поэтому, - как выясняет Гегель, - действие не содержит вообще ничего, что не содержится в причине, и, наоборот, причина не содержит ничего, чего нет в ее действии. Причина есть причина лишь постольку, поскольку она порождает действие, и причина – это только определение: иметь действие, а действие – это лишь определение: иметь причину» [1, с. 512].

Когда формальной причинности, причина и действие является еще разными, тогда в определенной отношений причинности они являются одинаковыми. Нам хорошо известно, что для применения ответственности, в том числе особенно наказания, должен быть какая-та определенная вещь, т.е. сила, - которым является, по нашему мнению, - *деньги, как специфический товар, который является универсальным эквивалентом стоимости других товаров или услуг*.

б) Определенное отношение причинности. Тождество причины с собой в ее действии, т.е. *деньги*, – это только в определенном смысле снятие мощи

общества. Благодаря такому *тождеству содержания*, эта причинность есть *аналитическое* положение. Одна и та же вещь – *деньги*, выступает в *обществе* как причина, в нашем исследовании, как например, объем вреда, причиненная правонарушениями ее собственной устойчивостью, а в *государстве* – как действие, как возмещение причиненного вреда к обществу, хотя это только идеально. Значит содержание ее есть *действительная, но конечная субстанция*, как положенность или определение в чем-то ином, т.е. обществом. Итак, дважды повторяется лишь одно и то же содержание, т.е. потребность к *деньгам*, однако в причине не имеется ничего, чего нет в действии.

Но эта вещь, как *деньги*, уже не этот *капитал*, который мы раньше исследовали, а *капитал* как *деньги, функционирующие в качестве стоимости капитала*, приносящей прибавочную стоимость, и используемой в целях *эксплуатации* наемного труда,³ как *мера стоимости капитала, как денежный капитал*, который уже не только субстрат, закона государственного бюджета, но и сама *субстанция*, ибо она тождественное устойчивое наличие обмена между обществом и государством. Закон государственного бюджета, как субстанция есть *конечная субстанция*, ибо она определена как непосредственная *по отношению* к своей причинности. Но она в то же время имеет причинность, так как она равным образом есть тождественное лишь как тождественное этого отношения.

Рассматриваемая теперь *вторая определенность* причинности касается *формы*. Это отношение есть *причинность как внешняя себе самой, как первоначальность*, которая есть в самой себе также и *положенность* или *действие*. Это соединение противоположных определений как *налоги* составляет *бесконечный регресс* от причин к причинам, т.е. от налогов к налогам. Разумеется, что члены общества хотят меньше и меньше платить за налоги, и им не нравится предусмотренные в законе государственного бюджета

³ Термин *эксплуатация* гораздо мягче, чем термин *насилие*, хотя на наемном труде, в общественном производственном отношении в развитом капитализме, рабочая сила формально свободные, но, все-таки они испытывают в себе насилия стороны капиталистов, который связанно с тем, что есть необходимость кормить себя и свою семью (А.Л.).

количество и денежные обязанности налогов. Обязательно надо здесь заметить, что активы в законе государственного бюджета входят и преступным путём полученный капитал.

Непосредственно так же обстоит дело с *действием*, или, вернее, *бесконечный прогресс от действия к действию*, то, что государство хочет в законе государственного бюджета предвидеть больше и больше налогов, и эти суммы денег, которые члены общества должны платить в государственную кассу, - это совершенно то же самое, что *регресс от причины к причине*. В этом регрессе *причина* становилась *действием*, в свою очередь имеющим *другую* причину, и точно так же, наоборот, *действие* становится *причиной*, в свою очередь имеющий *другое* действие, впадая в «дурную бесконечность», как сказал Гегель [1, с. 512-518].

в) Действие и противодействие. По Гегелю *деятельная* субстанция есть *общество*. Общество (гражданское общество, по выражению Гегеля), есть объединение частных лиц. «В гражданском обществе, - писал он, - каждый для себя – цель, все другие для него ничто» [4, с. 211]. Однако по Гегелю, гражданское общество отнюдь не высшая форма так называемой всеобщности. «*Пассивно* то, - пишет он, - что непосредственно, или в себе сущее, которое не есть также *для себя*, - чистое бытие или сущность, которая имеет лишь в этой определенности *абстрактного тождества с собой, т.е. государство*» [1, с. 519].

Значит, *деятельной* субстанции, как обществу, противостоит *пассивная* субстанция, как государство, которая занимается реализацией «общих дел», куда входят внутренние и внешние функции государства. В государственный аппарат входят и органы юстиции, которых в первую очередь надо для того, чтобы члены общества, как «волки» друг друга не уничтожали, чтобы получить *без труда вполне или отчасти прибавочную стоимость*. В этом смысле государство, как *пассивная* субстанция испытывает *насилие* от общества. Государство, по мнению Гегеля, является в более высокой форме человеческой организации [1, с. 520-521]. Поэтому в логическом плане

гражданское общество, сравнивая с государством, расценивается Гегелем как момент государства, как то, что «снимается» в государстве. «Государство, - пишет Гегель, - это шествие Бога в мире, его основанием служат власть разума, осуществляющего себя как волю» [3, с. 284]. Однако по справедливому замечанию Л.И. Спиридонова, «общество во всех случаях определяет характер государства. Государство, политические отношения суть лишь формы того или иного социального содержания» [10, с. 38].

Согласно Гегелю, античное представление о государстве у Платона и Аристотеля субстанционально, т.е. государство «возникает» от общества при помощи *законодательства*, которая регулирует *общие дела*, от глубоко эгоистических индивидов, напротив французского мыслителя и писателя Ж.Ж. Руссо, у кого отсутствует субстанциональный взгляд на государство. Он утверждал в своей книге «Об общественном договоре, или Принципы политического права», что государство созидают народ с помощью «общественного договора». Такой взгляд, по нашему мнению, представляется не научным.

У Гегеля само государство есть правовое образование. Высшие интересы гражданского общества, охраняемые законодательством, ведут по логике развития понятия права за пределы этой сферы – в область государства [8, с. 21-24]. Правовое государство в развитом капитализме, прежде всего, предполагает гражданское общество, т.е. существование свободных индивидов, у которых действующие законодательные акты в равной степени относятся ко всем без исключения, в том числе к тем, кто издает законодательные акты. Однако, это только формальное право, которому принадлежит известный заповедь: «...будь лицом и уважай других в качестве лиц» [3, с. 98]. В то же время, как показывает мировая практика, в развитых капиталистических государствах, вышеприведенные принципы, так называемого правового государства, - уже давно не действуют.

Как известно, пассивная субстанция как государство, подвергаясь воздействию *насилия* со стороны общества, получает лишь должное.

Следовательно, государство, как пассивная субстанция «приходит» из общества, т.е. причинной субстанции, а не наоборот. Стало быть, пассивная субстанция, с одной стороны *сохраняется* или *полагается* активной субстанцией, а именно поскольку активная субстанция делает самое себя снятой, но, с другой стороны, сливается с собой и тем самым делается первоначальным и *причиной* – это *дело самого пассивного, т.е. государства. Быть положенным* чем-то иным и собственное *становление* – это одно и то же.

Взаимодействие. В конечной причинности именно субстанции, т.е. общество и государство, относятся друг к другу как действующие. Вначале взаимодействие выступает как взаимная причинность *обуславливающих* друг друга *субстанций*, каждая из них есть относительно другой в одно и то же время и активная - *общество* и пассивная субстанция - *государство*.

Поэтому *абсолютная субстанция*, имеет по нашему мнению три совокупности [1, с. 524]: *общества*, как капитала, как денежного капитала, как прибавочной стоимости, без труда вполне или отчасти, *государства*, где генеральной функции развитого капиталистического государства является реализация при помощи законодательства или положительного права «общих дел», обеспечивающих объективные предпосылки человеческого существования, - суть одна и та же рефлексия, которая как *отрицательное соотношение с собой* выявляет себя как различие двух указанных сторон, т.е. общество и государство. Это есть *свобода*, который есть *правопорядок*, как внешняя свобода индивидов и капитал, как «надземный бог», как внутренняя свобода индивидов, в развитом капиталистическом государстве. Логическое понятие как *становление*, дает предпочтение государству перед обществом, и поэтому именно государство [7], должно *сохранить население*, как *человеческого капитала*, без которого не может вообще существовать *homo sapiens*, т.е. разумный человек.

Заключение. Очень важна сказать, что сегодня, именно формальная несистематическая диалектика, куда обычно входит и разные правовые труды, в том числе и труды по криминологии, без особого труда хватает оттуда и

отсюда *разнообразные определения* и с такой же легкостью, с одной стороны, показывает их конечность и чистую относительность, а с другой стороны их истинное единство или тотальность, которые не имеют никакой связи предыдущих понятий или развитием знаний.

Преступность, как социальное, общественно-опасное насилие, есть совокупность разных преступлений, совершаемых в каких-то территориях в определенное время, есть законодательными актами, особенно уголовными законами запрещённая, без труда вполне или отчасти полученная прибавочная стоимость.

Этих странах, где преступность в законодательных актах не является общественно-опасным насилием, тогда возникает вопрос, почему вообще надо тратить огромные деньги на содержания системы юстиции, которые должны «бороться» с преступностью, чтобы она не выросла слишком быстрыми темпами, как эту тенденцию нам наглядно показывает мировая практика.

Политики заинтересованы за латентность преступлений, не за расследование преступлений, совершаемых особенно руководящими работниками. Это сегодняшний день, что утверждает практика, как критерия правды в современном развитом капитализме.

Мировая судебная практика показывает нам, как часто связано с совершением разных преступлений, организуют террористические акты, наркомафию, торговлю с людьми и др. очень опасные преступления – самые высокопоставленные государственные деятели разных стран мира. Однако, эти преступления являются совершенно закономерными явлениями при условиях современного капитализма. Следовательно, самой главной причиной таких преступлений в современном развитом капиталистическом мире является, - общественное капиталистическое производство материальных и духовных благ, т.е. отношение между капиталистами, которые являются владельцами частной собственности и потому имеют *право*, которая защищается законодательными актами, получить прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти и между наемными работниками, которые не имеют *право* получить

прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти, и откуда идет колоссальная разница материальных ценностей между богатыми и бедными (многие богатые семьи мира могут запросто купить себе такие государства, как Польшу, Финляндию, Швецию, Литву, Латвию, Эстонию и другие государства), которая и есть основная причина преступности в развитом капиталистическом обществе, в том числе экспансии больших государств на других, терроризма, наркомании, продажа людей, проституции, а даже огромных миграционных процессов, религиозных недоразумений и недоразумений разных национальностей.

Вышесказанное пополняет экспансия больших развитых государств на другие государства, обычно «во имя прав человека», чтобы получить прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти, за счет маленьких или неразвитых стран. По нашему мнению в современном мире давно уже не существуют классические принципы международного права.

В мировом масштабе современный развитый общественный капиталистический способ производства материальных и умственных благ, уже давно преодолел свой пик, вследствие чего его время вместе со свойственной ему «демократией» начинает, к огорчению многих, проходить. Этот факт повсюду подтверждается массовой безработицей, локальными войнами, серьезными уличными волнениями и забастовками, а также нередкими убийствами руководителей или ведущих политиков тех или иных государств, покушениями на убийство или судебными процессами и осуждениями за совершенные преступления.

Каким способом производства следует заменить современный развитый капиталистический способ производства материальных и умственных благ, или как этот «переход» должен происходить – об этом еще рано говорить. Обычно считается, что капиталистический способ производства будет уничтожен бюрократией, коррупцией или революцией.

Без труда вполне или отчасти полученная прибавочная стоимость как *капитал* в своей действительности есть общественное отношение между всеми

членами общества. Действительность капитала и преступности тождественны друг другу. Поэтому в чисто логическом аспекте верно следующее утверждение Гегеля: «Таким образом, *форма* в своей реализации пронизала собой все свои различия и сделала себя прозрачной и, как *абсолютная необходимость*, есть лишь это простое *тождество бытия с самим собой в своем отрицании или в сущности*. – Само различие между *содержанием* (капитал, как прибавочная стоимость, как преступность – А.Л.) и *формой* (преступность, как прибавочная стоимость, как капитал. – А.Л.) ... исчезло ...» [1, с. 504]. Итак, преступность, как совокупность разных преступлений, есть *формой* капитала, как совокупности разных источников капитала и наоборот.

Абсолютная субстанция, имеет по нашему мнению три тотальности, которые есть законодательство, общество и государство, которые в свою очередь есть одна и та же рефлексия. Оно как *отрицательное соотношение с собой*, выявляет себя как различие двух указанных, т.е. общество и государство, но как *полностью прозрачное различие*, а именно в виде *определенной простоты* или *простой определенности*, которые суть их одно и то же тождество. – Это и есть *свобода*, как *правопорядок*, как *внешняя понятие и капитал*, как «*надземный бог*», как *внутренняя понятие* в развитом капиталистическом обществе, которое должен *сохранить человечества*, как *человеческого капитала*, без которого не может вообще существовать *homo sapiens*, т.е. разумный человек.

Следовательно, капитал, как прибавочная стоимость, как частная собственность есть *абсолютная необходимость* и *абсолютный предмет*, что существует по выражению голландского философа Б. Спинозы само по себе и представляется само через себя. Поэтому, абсолютный предмет не *природа* и не *бог* и *дух* – (на лат. *Deus sive Natura*), а капитал, как совокупность разных источников капитала. Существует только *одна*, то есть она, есть всё существование [9, с. 186].

Библиография

1. Гегель Г.В.Ф. Наука Логики. С. Петербург, 2002.
2. Гегель. Г.В.Ф. Наука Логики. Том 2. М., Мысль,1971.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
4. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. VII//Соч. в 14 т. М., 1929-1956.
5. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М.-Л., 1930
6. Деборин А. Гегель и диалектический материализм. Вступительная статья в книге Гегеля Энциклопедия философских наук. М.-Л., 1930.
7. Конституция Эстонской Республики. Таллинн, 2003.
8. Нерсесянц В.С. Предисловие к книге Гегеля Философия права. М., Мысль, 1990.
9. Робинсон Л. Метафизика Спинозы. С. Петербург, Шиповник, 1913.
10. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. С. Петербург, 1995.
11. Фишер Куно. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. Москва – Ленинград, 1933.
12. Leps, A. Wrong. The Baltic States in the European Union. Ten Years as Member States. // Latvian Academy of Sciences, Mykolas Romeris University, Riga Stradinš University, College of Law. Riga, 2014. pp. 62-81; *Leps, A. Dove „Preso“ come un dritto penale base di criminologica in particolare? Italian Science Review 2014 7(16) p.p. 294-302; Лепс А. Откуда «берется» уголовное законодательство как определенная основа криминологических исследований? Международная Организация Правовых исследований // Юридические науки и образование. №41, Баку, 2014, с. 157-174.*